

Шинпей, легендарный босс группировки "Камияма", хоть и превратился в старика с белыми волосами, но его взгляд по-прежнему оставался острым. Настолько, что даже опытные лидеры кланов избегали встречаться с ним глазами. Лишь Дайки, нынешний босс Камиямы и его внук, мог смотреть на Шинпея прямо. И был один человек, который превращал взгляд Шинпея в добрый, как у милого дедушки...

Дайки посмотрел на своего маленького сына Тому, который смело забрался на токонома, украшенную вазой с вековой историей. Сидя на татами, Шинпей заметил, куда смотрит Дайки, обернулся и тут же встал, чтобы подойти к Томе.

— Эй, малыш, играть здесь опасно.

— Дедушка, Тома хочет домой, — ответил мальчик.

— Домой хочешь?

— Да, хочу домой.

— Ну тогда останься со мной на ночь, а завтра пойдём домой, как тебе?

Тома посмотрел на Дайки, а затем широко улыбнулся.

— А папа тоже?

Это означало, что если папа ляжет спать, то и он ляжет. Шинпей нежно улыбнулся и взял на руки маленького правнука. Как всегда, Тома начал гладить его морщинистое лицо своими крошечными ручками.

— Тебе пора отдыхать, малыш устал.

— Тогда до следующего месяца, — попрощался Дайки.

— Можешь прийти и пораньше, и выпьем с тобой, как следует, — ответил Шинпей.

— Так и сделаю.

Дайки протянул руки, чтобы взять Тому, который становился тяжелее с каждым днём.

— Оставь это мне. Не лишай старика последней радости — теперь я живу ради встреч с Томой.

— Не говорите так, дедушка.

— Я уже стар.

— Вы — единственный человек, на которого я могу положиться.

— Босс Камиямы не должен произносить такие слабые слова.

— Сейчас я говорю как ваш внук.

Шинпей, кажется, был тронут искренностью своего обычно сдержанного внука, и лицо его слегка прояснилось.

— Ха-ха, и зачем ты лезешь дедушке в нос?

— У тебя белые волоски.

Тома с интересом разглядывал длинные седые волосы, торчащие из носа Шинпея. Ведь осмелиться прикоснуться к легендарному волосу, принадлежавшему человеку, который одним лишь взглядом держал в страхе весь Токио, мог только его маленький ангелок правнук Тома.

Когда они вышли на улицу и направились к ожидавшей их машине, по обе стороны садовой дорожки длиной метров пятьдесят выстроились клановцы, почтительно склоняя головы. Сегодня был ежемесячный сбор совета. Ради маленького Тома его начали с утра и закончили днём. Тома, будущий наследник Камиямы, был ещё совсем ребёнком, но пользовался уважением, не меньшим, чем его отец Дайки.

Широкие поля, казалось, еще долго будут принимать гостей на празднике, но Дайки решил поскорее вернуться домой ради Тома.

— Дедушка, могу я покататься на машине с папой Тома?

После слов Тома лица не только Шинпея, но и Дайки сразу помрачнели. С момента рождения Тома, Дайки никогда не ездил в одной машине с сыном. Они всегда садились в разные машины, чтобы снизить риск возможных происшествий. Томе это явно не нравилось. Похоже, он подумал, что если попросит Шинпея, который готов был на всё ради своего правнука, то сможет поехать с отцом в одной машине. Его большие глаза сияли в предвкушении.

Смущенный Шинпей лишь неловко улыбнулся и, ничего не ответив, продолжал смотреть на своего правнука. Дайки бросил взгляд на Кэнту, и тот осторожно подошёл к Шинпею, чтобы забрать Тому на руки.

— Езжай с Кэнттой, мой маленький. В следующий раз обязательно покатаемся вместе, дедушка обещает.

— Хорошо, дедушка. До встречи!

Маленький, но умный Тома, казалось, понял, что Шинпею было неудобно от его просьбы. Он послушно обнял Кэнту и сел с ним в машину.

— Как-нибудь навестим вас снова.

— Хорошо. Будьте осторожны.

Когда Дайки низко поклонился перед Шинпеем в знак уважения, остальные члены организации также склонили головы перед нынешним и бывшим боссами

.

Мин Джун, пристально глядя на треугольный кимпаб в своей руке, снова поразился собственной способности испытывать голод даже в такие моменты. Медленно открывая упаковку, он вспомнил старую поговорку: «Умерший сытым выглядит лучше».

Он даже представил, что если умрет после трапезы, его кожа станет настолько сияющей, что загробный проводник сочтет его своим возлюбленным. Эта странная мысль пронеслась у него в голове, пока он готовился к тому, чтобы отправиться на тот свет.

— Если подумать, это тоже страшно... Мама, папа, простите этого никчемного сына. Если быть геєм — это грех, то я виноват. Но не думайте, что я умер, просто представьте, что я уехал куда-то очень далеко, как будто вы выдали меня замуж...

Мин Джун смахнул слезы тыльной стороной ладони и запихнул треугольный кимпаб в рот. С самого детства, стоило ему вернуться домой избитым, его мать наказывала его вдвое сильнее. Она была человеком с непростым характером. Если она узнает, что он из-за увлечения мужчиной лишился денег на учебу за границей, паспорта и даже влез в долги, то, вероятно, и десяти жизней ему не хватило бы, чтобы расплатиться за это.

— Тайсей, ублюдок! Ты угрожаешь мне, что, если я заявлю на тебя, то ты продашь меня в гей-клуб? Думаешь, я испугался? Да, я сейчас умру, но это еще не конец. Я обязательно вернусь с того света и заберу тебя с собой. Посмотрим, кто кого!

Би-и-и-и-и-и-п!

— Черт, вот это напугали! Если у меня случится сердечный приступ, кто будет за это отвечать?!

От неожиданного автомобильного сигнала Мин Джун вскрикнул и резко обернулся. В тот же момент недоеденный кимпаб вывалился из его руки на землю, а сам он инстинктивно прижался к стене здания. Это ли не тот самый «черный поток», о котором он слышал? Глядя на кортеж черных «Мерседесов», которые он видел до этого только на картинах, Мин Джун замер и начал дрожать. Хотя в машинах никто не выглядел грозно, он каким-то образом понял, кто может находиться внутри.

Это те люди, которых можно случайно встретить, живя в Японии. Однажды Мин Джун даже фантазировал о том, каково это — встречаться с якудза. Но когда он увидел их кортеж прямо перед собой в момент, когда уже был готов умереть, он начал молиться, чтобы его не заметили.

«А что, если я слишком красивый, и главарь меня заметит? Эти парни безумные, говорят, у них там и пытки, и по десять человек сразу... О нет, я не хочу умереть, истекая кровью после такого...»

Стукнувшая дверца автомобиля и голос, обращающийся к кому-то как к «молодому господину», заставили Мин Джуна вжаться в стену еще сильнее. Он прищурился и осторожно повернул голову в сторону «Мерседесов». Вдруг что-то, издавая легкие шлепающие звуки, подбежало к нему и неожиданно прыгнуло в его объятия. Теплая и маленькая фигурка с запахом, присущим только детям, прижалась к нему. Растерявшись, Мин Джун машинально обнял это существо. Это был мальчик, примерно трех лет.

— Мама!

«Мама? Да, какая трогательная ночь... Но кто мама? Я? Да кто тут вообще...»

Мин Джун, в порыве растерянности, немного грубовато отстранил Тому от себя.

— Эй, малыш, какая еще «мама»? Взгляни получше. Конечно, я понимаю, что с такой внешностью можно запутаться, но я мужчина, понимаешь? Точно такой же, как и ты. Понял, о чем я?

Однако, когда он увидел мальчика, которого только что отстранил от себя, он невольно замер.

Настолько очаровательного и милого ребенка он никогда не встречал. С блестящими волосами, пухлыми щёчками и в идеально подобранном пальто, этот мальчик выглядел просто ангельски. Глаза ребенка наполнились слезами, а губы задрожали, пока он смотрел на Мин Джуна.

— Мама... хочу маму...

Малыш, с трудом шевеля языком, но стараясь говорить четко, произнес это с трогательной интонацией.

— Э-э, ну да, если честно, я бы тоже на твоём месте захотел маму, но, малыш...

— Я Тома. Тома Джо.

— Ладно, Тома, прости, но я не твоя мама.

— Не хочу! Ты мама...

И вот, наконец, Тома разрыдался, уткнувшись в грудь Мин Джуна. Слезы, сопли и даже слюна начали стекать на его куртку. Малыш крепко обнял его, словно боялся, что его отнимут.

Щёлк, щёлк, щёлк.

Позади Мин Джуна раздался устрашающий металлический звук, который обычному человеку редко удастся услышать в жизни. Поворачивая голову, словно робот, Мин Джун увидел, что ему в затылок целится несколько черных дул пистолетов. На мгновение он застыл, а затем, подчиняясь инстинкту, обнял ребенка еще крепче, медленно отступил назад и бессильно опустился на землю.

Будто все они сделали коллективный заказ в одном и том же ателье, трое мужчин в элегантных черных костюмах пристально смотрели на Мин Джуна. Двое из них выглядели так, что даже без слов было ясно: "Мы якудза". Их суровые лица могли напугать даже проходящего мимо воробья. Третий же, напротив, больше напоминал высокопоставленного элитного служащего, чем мафиози. Он непрерывно обращался к Томе, но, несмотря на это, пистолет в его руке был твердо направлен прямо в лоб Мин Джуну.

— Молодой господин, пожалуйста, идите сюда. Если вы продолжите так себя вести, вы доставите неудобства и этому человеку.

Неудобства? Какие неудобства? Неужели они хотят просто убить меня и избавиться от тела без лишних следов?

Пока Мин Джун воображал, как его бездыханное тело всплывает в водах Токийского залива, он снова попытался осторожно отстранить Тому.

— Послушай, Тома, я уже говорил, что я не твоя мама.

— Мама! Ты моя мама! — капризно запротестовал ребенок.

Когда голос Томы стал громче, ошеломленный Мин Джун перевел взгляд на элитного мужчину и закричал:

— Где, черт возьми, мать этого ребенка?!

— Прошу прощения, если мы вас напугали. Но, пожалуйста, передайте нам молодого

господина.

— С радостью! Только заберите его уже!

Мин Джун начал успокаивать Тому, нежно поглаживая его по голове.

— Хороший мальчик, Тома. Дядя пришел за тобой, тебе нужно идти с ними. Ты ведь хороший мальчик, правда?

— Ага. Тома хороший... А мама пойдет с Томой!

— Это не получится. Тома, иди первым, а мама скоро придет.

Как часто его самого в детстве обманывали этими словами. Мин Джун никогда бы не подумал, что однажды и сам прибегнет к такой лжи.

Тома, немного наклонив голову в задумчивости, уставился на Мин Джуну. А затем, твердо покачав головой, решительно произнес:

— Нет! Я не пойду один! Мама идет со мной!

"Современные дети просто невероятные", — подумал Мин Джун, пытаясь сохранить спокойствие, — они что, в утробе только и делают, что учатся? Почему такие умные?

Он с трудом сдерживал раздражение, продолжая уговаривать Тому.

— Хорошо, малыш, если ты скажешь, где живешь, этот оппа обязательно придет к тебе. Правда! Поклянёмся на мизинцах? Кто нарушит обещание, тот съест тысячу иголок!

В этот момент Мин Джун почувствовал тяжелый удар по затылку. Что-то твердое с глухим стуком врезалось в его голову. Это был пистолет, который, до этого направленный на него с расстояния, теперь беспардонно упирался в его затылок.

Что? Что я такого сказал? Подождите, подождите!

— Ладно, ладно, пусть будет две тысячи иголок! — поспешно добавил Мин Джун, дрожа так, что пистолет за его головой слегка дребезжал.

— Не хочу! Только с мамой! — упрямо продолжал Тома, крепко ухватившись за куртку Мин Джуну.

Элитный якудза, до этого сохранявший спокойствие, наконец вмешался, слегка раздраженно обращаясь к мальчику:

— Молодой господин, если вы продолжите себя так вести, отец вас накажет.

Стоило упомянуть «папу», как плечи Тома вздрогнули, а затем он громко разрыдался. Мин Джун от неожиданности замер. Насколько же нужно бояться собственного отца, чтобы реагировать так? Ему стало жалко мальчика, и он крепко обнял его, пытаясь успокоить.

Но пока он держал Тому на руках, в его голове вдруг сверкнула мысль.

«Молодой господин»? В наше время даже у богатых детей редко используют такое обращение. Значит, у него действительно есть отец, и, судя по всему, весьма влиятельный... Подождите.

Неужели... Нет, этого не может быть. Это что же, я держу на руках сына босса якудза?»

Мин Джун с трудом сглотнул, его горло пересохло от осознания всей ситуации. Он опустил взгляд на ребенка, который удобно устроился у него на руках. В голове мелькнула абсурдная мысль: «И все-таки у него такая круглая и симпатичная голова. Просто идеально сделанная.»

Не успел он опомниться, как Тома, чья мордашка была вся в слезах и соплях, вдруг расплылся в улыбке и начал подражать Мин Джуну, тоже мотая головой из стороны в сторону.

— Ах, Тома, пожалуйста, перестань. Это не время для таких игр. Вернись к своему папе, умоляю! — Мин Джун взмолился, чувствуя, как ноги становятся ватными от страха.

Мысль о том, что этот милый, похожий на ангела ребенок — сын босса якудза, вызывала у него настоящий когнитивный диссонанс. Как мог отец Тома, видимо, жестокий и безжалостный человек, быть связан с таким чудесным малышом?

Тем временем Тома, видимо, ни о чем не переживая, маленькими руками прикоснулся к лицу Мин Джуну и с радостью произнес:

— Мама!

— Я не мама! — пробормотал Мин Джун, слишком напуганный, чтобы повысить голос.

В этот момент позади него раздался низкий, властный голос:

— Что здесь происходит?

От этого звука сердце Мин Джуну буквально замерло. Ему показалось, что этот голос, такой низкий и сексуальный, мог бы заставить даже камни таять. Казалось, что с каждым звуком в его теле пробуждалось что-то глубинное, не поддающееся контролю.

Мин Джун сжал рыдающего Тому в своих объятиях и медленно повернул голову в сторону источника голоса. Но прежде чем он успел что-либо увидеть, Тома резко поднял голову, посмотрел на обладателя этого глубокого тембра и громко закричал:

— Не хочу папу! Я пойду с мамой! Уходи!

Черт возьми! Не надо так громко кричать! Если он разозлится и решит меня убрать, что тогда?

Низкий голос снова раздался, теперь с холодной строгостью:

— Посадите его в машину.

— Ну вот, видите? Он сам сказал, чтобы мы оба сели в машину. Но это... это какая-то ошибка...

Неизвестно откуда взявшись, Мин Джун вдруг ощутил прилив храбрости. Подняв Тому на руки, он встал и развернулся, чтобы посмотреть в лицо тому, кому принадлежал этот властный голос.

Одна секунда, две, три... Время словно замерло, воздух застыл, а вокруг стало так тихо, будто всё вокруг прекратило своё движение. Первое слово, что возникло в голове Мин Джуну, было «мужчина». Казалось, это слово специально придумали для этого человека.

Мин Джун всегда думал, что якудза — это угрожающего вида люди с шрамами на лицах,

жирным блеском на коже, массивными плечами и тяжелым взглядом. Именно такими они казались в фильмах и стереотипах.

Но этот человек... Он воплощал в себе самую суть мужской сексуальности. Его привлекательность была настолько сильной, что Мин Джун потерял дар речи. Это был тот тип красоты, который встречается, может быть, раз в жизни. Мин Джун просто стоял и смотрел, забыв, что хотел сказать.

— Мама, пойдём вместе! Папа сказал, чтобы мы оба сели! — вдруг радостно заявил Тома, уже забыв о своих слезах.

Мин Джун перевёл взгляд на мальчика, который вдруг стал таким счастливым, и наконец-то пришёл в себя. Он снова посмотрел на мужчину, но как только их взгляды встретились, сразу опустил глаза к земле, будто изучая её текстуру. Набравшись смелости, он наконец заговорил:

— П-простите, а почему я должен ехать?

Мужчина молчал, но его взгляд оставался холодным и тяжёлым, как лёд.

— Объясните всё ребёнку, — продолжил Мин Джун, отчаянно пытаясь скрыть свой страх.

—....

— Я... я не мама, поэтому не могу пойти с вами...

Не успел Мин Джун договорить, как мужчина в кожаных перчатках достал сигарету. Тут же появился лысый, который, поднеся зажигалку, с почтением прикурил ему. Голос Мин Джун начал дрожать, а затем и вовсе исчез — словно его не существовало. Запах сигаретного дыма, который он терпеть не мог, тут же забился в ноздри. Зажав нос рукой, Мин Джун мысленно выругался:

«Я, конечно, собирался умереть, но не так, не подготовленным. Если меня пристрелят, это ведь будет так дёшево, что даже жнец душ не обратит на меня внимания. Просто отвратительная неудача!»

— Эй.

— Да?

— Кто это тут такой «отвратительно невезучий»?

Мужской голос прозвучал с легкой насмешкой, сладкий и завораживающий. Мин Джун был уверен, что этот тон стал предзнаменованием его конца. Видимо, он случайно пробормотал свои мысли вслух. И вместо того чтобы испугаться, Мин Джун ощутил странное, почти абсурдное спокойствие.

«Я всё равно собирался умереть. Какая теперь разница, как это случится?»

Он поднял взгляд и посмотрел прямо на мужчину. Если это была его последняя возможность, то он хотел запомнить его лицо. Однако выдержать прямой взгляд мужчины оказалось слишком сложно: он был невыносимо пронизывающим.

— Честно говоря, я сейчас в очень трудной ситуации, — начал Мин Джун, внезапно вываливая всё, что было у него на душе. — Да, я хотел покончить с собой, но, знаете, я думал, что это

будет как-то... нормально. Ну, как обычные люди умирают: выпить таблетки, попасть под машину, утонуть... Но чтобы вот так, в переулке? Просто проходил мимо, и вот, пожалуйста, застрелят...

— Ты кореец?

— Ч-что? Да... да, я кореец.

— Когда я спрашиваю, не переспрашивай.

— Да.

Глаза мужчины чуть блеснули, словно в них отразился свет. Мин Джун сглотнул, а затем громко ответил:

— Да!

Взгляд мужчины резанул его как лезвие. Мин Джуну показалось, будто он превращается в жертву, которую только что поймал хищник.

Когда мужчина с силой бросил окурок на землю, в том месте, где он упал, образовалась глубокая вмятина. Повернувшись к побледневшему Мин Джуну, мужчина бросил всего лишь одну-единственную фразу, прежде чем отвернуться:

— Садись.

Когда он сел в машину, элегантный, но по-своему угрожающий гангстер с вежливостью, граничащей с принуждением, затолкал Мин Джуну в салон чёрного «мерседес-бенз», будто вдавливая его внутрь.

— Пойдите! Что вы себе позволяете? — возмутился Мин Джун. — Не трогайте меня, я выхожу!

Мин Джун, впихнутый внутрь, попытался выбраться, отбросив Тому в сторону, но гангстер вежливо, с лёгкой улыбкой, заметил:

— Если вы хотите выйти из машины на ходу, я вас не остановлю. Но не уверен, что машины позади успеют вас объехать. Будучи умным человеком, рекомендую оценить обстановку.

Мин Джун представил, как его тело размажет по асфальту, и перед его глазами всплыл образ мёртвого кота, которого он однажды увидел на дороге: сплюснутая кожа и ни следа головы. Эта картина преследовала его годами. Сжав Тому в руках, Мин Джун смиренно сел на место, аккуратно сложив ноги.

Машина, выехав из узких улочек, набрала скорость. Мин Джун пытался определить, куда их везут, но быстро сдался: окна явно были затемнены так, что разглядеть даже контуры улиц за ними было невозможно. Он перевёл взгляд на уснувшего Тому, и, как сумасшедший, начал беспричинно усмехаться.

Его сосед, элегантный гангстер, подозрительно посмотрел на него, словно задаваясь вопросом: «Он в своём уме?» Затем тихо заговорил:

— Если вам тяжело, передайте мне молодого господина.

Мин Джун показал ему Тому, который даже во сне крепко держался за его куртку, и успокоил,

что всё в порядке.

— Вы думаете, я похож на сумасшедшего, потому что смеюсь?

— Ну, немного, возможно.

— В Корее я ненавидел, как люди на меня смотрели. Поэтому решил уехать в Японию и жить на полную катушку. Но всего шесть месяцев... всего шесть месяцев, и моя жизнь катится к чертям. Когда страх достигает предела, остаётся только смеяться.

— Для шести месяцев вы неплохо выучили японский. Я даже не понял, что вы кореец.

— Японский я давно учил, — Мин Джун попытался успокоиться. — Послушайте, может, вы меня где-нибудь просто высадите? Честно, мне очень страшно.

— Это потому, что мы якудза?

Мин Джун шумно вдохнул, будто воздух подступил к самому горлу, и, как младенец, начал судорожно мотать головой. После этого неловко засмеялся:

— Якудза? Вы серьёзно? Никогда бы не подумал. Вы же так прилично выглядите... А тот человек, он что, ваш босс?

— Да, это наш босс. А тот, кого вы держите на руках, — его сын, а заодно будущий глава нашей семьи, 11-го поколения клана Камияма.

Маленький, сладко спящий Тома, который до этого был лёгким, словно игрушка, вдруг начал ощущаться на коленях Мин Джуна, как металлическая балка.

«Что за чёрт?! Меня взяли на заметку будущим главой якудза? Не как друга, а как няньку? Да что это за безумный сценарий мне достался?»

Сетуя на судьбу, Мин Джун одновременно не мог не заметить, каким милым был Тома. Ему даже стало интересно, вырастет ли этот ребёнок таким же ослепительно притягательным, как его отец. Эта внезапная мысль смутила Мин Джуна, и он затряс головой, пытаясь избавиться от неё.

«Перестань. Ты гей и уж точно не женщина, чтобы думать о какой-то материнской любви. И вообще, ты сейчас на волоске от смерти. Ты просто хотел начать новую жизнь, выплатив долг, или решиться и признаться обо всём матери. А теперь что?»

Но даже если он и пожалел о своём решении, сейчас было уже поздно: бросить Тому и выпрыгнуть из машины на ходу было невозможно.

— Якудза не трогает невинных граждан, — внезапно произнёс гангстер.

Элитный мужчина, словно читая мысли Мин Джуна, тихо сказал:

— А если человек виновен?

— Ну... предоставлю это вашей фантазии, — ответил Мин Джун, не желая слышать продолжения.

Он откинул голову на стену машины, дрожа от ужаса, и сдерживал слёзы, прикусывая язык.

Несмотря на страх, он аккуратно поправил Тому, чтобы тот мог спать спокойно, и вытер пот со лба мальчика.

— ...Просыпайся.

Кто-то начал трясти его за плечо. Мин Джун, находясь в полусонном состоянии, пробормотал:

— Тайсей, не надо... Хочу ещё поспать...

Внезапно его глаза ослепила яркая вспышка, как будто перед ним вспыхнуло пламя. От неожиданности лицо запылало, а глаза налились слезами. Мин Джун резко распахнул глаза и, ещё не осознав, что происходит, закричал на того, кто его разбудил:

— Ты что, жить надоело, сволочь?

Он осёкся, прикрыл рот рукой и замотал головой, словно извиняясь. Перед ним, в опасной близости, оказался чересчур красивый мужчина, излучающий обворожительную харизму. Это был отец Тома и нынешний глава клана Камиямы. Его взгляд, похожий на чёрное пламя, пронизывал до костей. В этом узком пространстве чувствовались и его аромат, и тепло, и магнетизм — всё это подавляло все органы чувств Мин Джунуна.

— Простите...

— Отдай мне Тому.

Голос главы прозвучал так, что Мин Джунуна пробрало до мурашек. Хотя он ничего не сделал, его тело отозвалось тёплым приливом, отчего он смутился ещё больше. Сжав ноги и застыв в замешательстве, он медленно передал Тому мужчине, который, забрав мальчика, вышел из машины.

— Выйди.

Когда мужчина кивком приказал выйти, Мин Джун послушно последовал за ним. Идти следом, держась на расстоянии, было страшно, но его разум, казалось, полностью увяз в хаотичных мыслях.

«И что это за реакция? Он же, должно быть, не гей — у него же сын Тома... Тогда что это было? Хотя, какая разница, всё равно я уже труп. Раз уж всё так, чего терять? Может, перед смертью позволить себе роскошь и оказаться под таким потрясающим мужчиной? Всё лучше, чем закончить свою жизнь из-за того психа Тайсея. Ладно, Мин Джун, соберись. Ты сможешь. Поверь в себя!»

Эти внезапные мысли словно окрылили Мин Джунуна. Его собственное, казавшееся безнадежным, положение вдруг перестало казаться таким ужасным. Он даже начал представлять себе нечто вроде новой главы в своей жизни, полной острых ощущений и удовольствий.

«Если уж жить на грани, то почему не попробовать? Как бы там ни было, я заставлю его обратить на меня внимание. И пусть всё закончится хотя бы этим. После такого мне уже нечего будет жалеть».

С этими мыслями Мин Джун, полный надежд и предвкушения, последовал за мужчиной через сад, напоминающий волшебный лес, и оказался в огромном особняке.

Но, как это часто бывает, жизнь редко следует нашим планам. Едва прошло десять минут, как его новые мечты рассыпались, словно промокшая салфетка, унесённая водой в сточную канаву.

Элитный гангстер исчез с Томой, оставив Мин Джуну одного. Паника начала нарастать: ведь Тома был его единственным спасением, его «страховкой». Без него Мин Джуну ощутил, как ноги начали подкашиваться, и он уже не мог идти.

Едва передвигаясь, он прислонился к стене, пытаясь справиться с нарастающим страхом. Мужчина, шедший впереди, заметил это, отослал остальных людей и подошёл к Мин Джуну.

— Что случилось?

Мин Джун даже не думал, что тот действительно обратит на него внимание, и от неожиданности съехал по стене вниз, присев на пол.

— Это... это знак того, что ты не хочешь идти?

— Я... я просто... слишком страшно... Я не могу идти...

<http://bllate.org/book/12398/1105524>